

ВЕСЬ МИР — ТЕАТР АБСУРДА

Сергей Носов. Фирс Фортинбрас. — СПб.: Лимбус-Пресс, 2023. — 256 с.

«Включили новое кино» — эту строчку из стихотворения Бориса Рыжего о девяностых можно трактовать буквально. Зрителей приковывали к экранам прежде недоступные заграничные боевики или бесконечные мыльные оперы вроде «Санта-Барбары» и «Богатые тоже плачут». Пока вся страна смотрела в видеосалонах второго «Терминатора» либо, стоя в очередях или толкаясь в автобусах, обсуждала злоключения Марианы и Луиса Альберто, российские актеры и режиссеры нередко сидели без работы. Чтобы выжить, приходилось находить применение своему таланту сообразно запросам времени — от съемок рекламы до участия в ельцинских агитбригадах. В таких «предлагаемых обстоятельствах» оказываются герои романа писателя и драматурга Сергея Носова «Фирс Фортинбрас».

В прозе Носова классические для петербургского текста гротескные образы сочетаются с повседневным абсурдом жизни обитателей городских окраин. Герои его книг вступают в тайные общества («Член общества, или Голодное время»), устраивают предвыборные кампании («Дайте мне обезьяну») и концептуальные акции («Грачи улетели»), спорят о современном искусстве, влюбляются, путешествуют — в то время как окружающая их реальность то и дело оборачивается хаотичной, сумасшедшей изнанкой, лишая их возможности добиться собственных целей или хотя бы понять, что происходит вокруг. В центре сюжета новой книги Носова — кино и театр. За необходимую долю абсурда в романе отвечает 1995 год — время, когда в стране (а уж тем более в Петербурге), кажется, и вправду могло произойти все что угодно.

Никита, главный герой «Фирса Фортинбраса», получивший за высокий рост прозвище «Кит», недавно окончил актерский факультет, но уже успел попробовать себя во множестве амплуа: Дед Мороз на детской елке, Петр Первый, фотографирующий с туристами на набережной, продавец амперметров в электричках и даже коллектор. Впрочем, как оправдывает себя Кит, он никогда не применял силу, а только играл роль коллектора: угрожающие размеры его фигуры уже сами по себе наводили ужас на незадачливых должников.

Была у Кита и пара настоящих ролей на сцене: Фирс в студенческом спектакле «Вишневый сад» и немой оратор в постановке «Стульев» Эжена Йонеско. Главная же его мечта — сыграть Фортинбраса в «Гамлете»: «Явиться в конце, торжественно объявить о том, что все мертвы, возвестить о будущем и, подведя черту, сорвать аплодисменты. За всех! За весь спектакль!» Роль Фортинбраса Киту, впрочем, никто не предлагает, как и никакие другие — до тех пор, пока как снег на голову не сва-

ливается бывший однокурсник и не передает приглашение сняться в первой отечественной мыльной опере («нечто между Штирлицем и Тарковским»), герои которой обречены на любовь зрителей, а сами актеры — на приличные гонорары.

Сериал оказывается странным: съемки проходят на квартире чьего-то родственника, сценарий пишется на ходу, актеры появляются и исчезают в мгновение ока. Спонсор проекта Феликс — «большой человек» в фармацевтическом бизнесе, который при помощи сериала собирается рекламировать загадочный эликсир бессмертия, разработанный в советских военных лабораториях. От Кита же, в сущности, по сценарию требуется одно: скоропостижно умереть. Однако его игра неожиданно впечатляет заказчика, и участие Кита в сериале в качестве «инфернального афериста» становится постоянным — равно как и в других феликсовских авантюрах.

Сергей Носов наполняет роман абсурдными деталями постперестроечной эпохи. «Кооперативное кино» девяностых, которое новые русские «меценаты» спонсировали не столько из любви к искусству, сколько ради отмыывания денег. Зарплата, которую сотрудникам электромеханического завода выдавали амперметрами. Продавец ворованной колбасы, завербовавший брата главного героя в Иностраннный легион. Вместе с тем основная задача автора — явно не бытописание. И кто здесь на самом деле автор — пожалуй, вопрос. Дело в том, что «Фирс Фортинбрас» — это роман в романе, стилизованный Носовым под воспоминания, написанные самим Китом спустя почти тридцать лет.

На сцене Киту чаще всего приходилось молчать. Старый дворецкий Фирс в основном бормочет себе что-то под нос; немой оратор мычит что-то нечленораздельное; даже в первом эпизоде сериала Кит объясняется в основном жестами (именно то, как он сделал «так рукой», впечатлило Феликса). Только в своем романе он наконец обретает голос. Кит считает себя интеллектуалом, хвастается, что единственный на курсе прочел «Анну Каренину», и возмущается стереотипу о том, что у актера не должно быть собственных мыслей. Мыслей у актера-неудачника предостаточно, в том числе и об искусстве: например, идея о генетической взаимосвязи Фортинбраса и Фирса, якобы подтверждаемая даже сходством их имен.

Новичок в писательском деле, Кит размышляет о том, от чьего лица ведется повествование в его романе — прошлого Кита или нынешнего, сорока-с-чем-то-летнего? И кому из них вообще можно верить? Он то и дело на ходу правит собственный текст, повторяется или забегает вперед, уточняет в скобках реалии времени и пересказывает споры со своим редактором и литературным «коучем» С. А. — за этими инициалами угадывается сам Сергей Анатольевич Носов.

Поначалу бесконечные лирические отступления скорее мешают, словно бы отвлекая от истории съемок загадочного сериала. Однако вскоре становится ясно, что сама по себе последовательность событий ключевой роли не играет. Намного важнее процесс трансформации воспоминаний Кита в его роман, условной реальности — в литературную условность. Диалог мнимых «писателя»-Кита и «редактора»-С. А. на деле оказывается диалогом героя с автором, а сам «Фирс Фортинбрас» — попыткой ответа на вопрос, есть ли в правдоподобии художественного произведения хотя бы подобие правды. Так, на все претензии редактора по поводу сюжетных дыр, неясной мотивации персонажей или их внезапного исчезновения Кит утверждает, что просто пишет так, как было на самом деле. Но можно ли верить рассказчику, который, оправдывая все свои преступления, раз за разом показывает себя не слишком надежным?

— Вы театрализуете сам акт письма, — сказал С. А. — Кстати, зачем вам С. А.?

На меня он все равно не похож. Ну и к чему эти манипуляции в реальном секторе?

- Это потому что я ничего не выдумываю.
- В смысле?
- Правду пишу.
- Ну да, конечно. Но тогда проблема скорее этики, а не эстетики.

Больше всего разногласий между Китом и редактором вызывает финал романа. С. А. предлагает острсюжетную развязку в духе бандитского триллера с «возмездием» для главного героя (или самого Кита?) за всю боль, вольно или невольно причиненную им другим. Кит же настаивает на той развязке, «какая была на самом деле» и на которую С. А., подобно Станиславскому, реагирует: «Не верю». И все-таки в романе остается именно она.

Новый роман Сергея Носова продолжает философию его прежних произведений. Рассыпанные по всему роману осколки постмодернистского абсурда в сочетании с ложным авторством к финалу оборачиваются гротеском в духе театра Ионеско, в пьесе которого раньше играл Кит. Над сценой неудавшегося покушения Кита — сперва на убийство собственного «двойника»-антипода, а затем на самоубийство — рефреном звучат слова «Это не считается, это не считается...». Было ли это на самом деле? Все не в счет и все не всерьез — так изображение бессмыслицы жизни становится единственно осмысленным актом.

Роман не предлагает ответов на заданные в прошлом загадки — лишь прибавляет новых вопросов. Кит-из-прошлого всегда играл персонажей, которые подводили итог представлению, и мечтал о роли Фортинбраса. Кит-из-настоящего, живущий в мире эпидемий и вооруженных конфликтов, никакого итога происходящему вокруг подвести не может и только повторяет: «Я не понимаю, я не понимаю, что происходит». Этому действительно трудно не поверить — и уж тем более непонятно, как обо всем этом написать.

Но вместе с тем в романе прозвучит мысль о спасительной роли литературы, полусушительная, «невсерьезная» — и все же далекая и от экзистенциалистского разочарования в жизнеспособности искусства, и от постмодернистской насмешливой деконструкции всего и вся: «Мир литературных героев иному безумцу мог бы представиться загробным царством для реальных людей, покинувших наш белый свет. <...> Ведь их мир теперь — это и есть тот свет, не этот, не наш. Гений ты или графоман, автор, не изменяй призванию — пиши, создавай ячейки спасения! Ради этого только сегодня и надо писать — создавать вакансии, которые еще пригодятся».

Эта «безумная» идея Кита резко контрастирует с идеологией инвестора Феликса, буквалиста и прагматика, который верит, что бессмертие, пусть даже неприглядное и пугающее, может быть достигнуто при помощи науки — и действительно такого бессмертия желает. В искусстве он видит лишь средство, оправданное целью, и требует от съёмочной команды в просветительско-рекламных целях наполнить сериал трупами. Конечно же, он никогда не поймет, что Гамлет, Офелия и даже бедный Йорик столь же бессмертны, как и Фортинбрас, приказывающий взять прочь тела, — ведь все они воскресают каждый раз, когда занавес поднимается вновь.

«Фирс Фортинбрас» — сложная система вопросов о том, как смотреть на свихнувшийся мир, жить в нем и о нем говорить. С ответами сложнее. «Все хорошо будет. Мы все вселимся в героев книг». Так с мрачноватой иронией рассуждает Кит-писатель о перспективах на будущее и в своей обычной манере повторяет: «У меня никто не умирает. Никто». И это вовсе не обязательно понимать буквально.

Евгения ЛЕГОСТАЕВА

НЕВА 1'2025